

Диана КАН

Я в жизни только раз сказал «люблю»!..

Мне приходилось задумываться об этом феномене и как поэту, и как женщине, которой доброе слово тоже приятно. Вот так помечешься в поисках однозначно светлых любовных стихов от любимых поэтов да и невольно подумаешь, что лучшие произведения наших гениев о любви, скажем так, своеобразны. Пушкин не в счёт, он не гений, он — наше всё. Он одновременно и правило, и исключение из всех правил. Сейчас не о нём, о других, которых по праву считаем продолжателями его линии в литературе...

Говоря в простоте, не обругав любимую женщину, наши выдающиеся поэты в любви не объясняются! И если бы только этим грешил гениальный хулиган Есенин с его «молодой красивой дрянью», «Что так смотришь синими брызгами, али в морду хошь?..» и прочими вопреки всем общепринятым нормам морали блистательными любовными строчками-объяснениями! Ведь даже истинный рыцарь Прекрасной Дамы и Вечной Женственности Александр Блок не отстаёт: «Вползи ко мне змеёй ползучей...» или «Подойди, подползи, я ударю // И, как кошка, очерешься ты...». Что ж, как говорится, мы, женщины, вас тоже жутко обожаем, дорогой Александр Александрович! И не дождётесь, не разлюбим, как вы ни стараетесь!

И ведь вправду не разлюбим! Ни эти весьма сомнительные с точки зрения «чистой высокой любви» строчки, ни их автора. Как не полюбим внешне такие прилизанные, все в цветах и поцелуях, но нестерпимо пошлые в своей бездарности стишата «приличных» поэтов. Как там у Пушкина? «И что пора давно // Мне сочинять прилично и умно!». Слава Богу, Пушкин этому «прилично» не научился!

Но тем не менее, вопрос не снимается. Почему поэты, общепризнанно почитаемые в силу своего статуса за неких менестрелей, обязанных говорить женщине приятное и ничего, кроме приятного, либо отмачиваются на темы любви, предпочитая темы патриотизма, гражданственности, пейзажности, духовности, всего, чего угодно... Либо говорят такое, что лучше бы молчали, ей-Богу! Может, объяснение кроется в известном афоризме: «Кто хвалит любимую, тот дурак. А кто ругает — тот подлец». И видимо, у поэтов, которые не грешат медоточивыми километрами любовной лирики, так и этак «хваля свою любовь», нет охоты быть ни дураком, ни подлецом. И потому почитают за благо промолчать? В любом случае объём любовной лирики у большинства русских

поэтов по отношению к корпусу других интересующих наших гениев тем настолько невелик, что порой складывается ощущение, что любовь волнует их едва ли не в последнюю очередь. Если стихи о любви у них есть, то возникает ощущение, что они просто сами прорвались за железное ограждение авторской воли. Хотя, в принципе, это правильно: прежде думай о Родине, а потом о любви.

В этой связи будет весьма интересно сопоставить два совершенно разных, я бы даже сказала, диаметрально противоположных отношения к женщине в стихотворениях только двух наших классиков. Речь о Михаиле Лермонтове и Юрии Кузнецове.

Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?

Это Лермонтов. Наверное, столь резкий «накат» на любимую объясним максимализмом и юностью автора, позволившим Михаилу Юрьевичу предъявлять столь завышенные требования к женщине. Это лишь с годами, да и то далеко не все мужчины, начинают понимать, что даже лучшая в мире женщина не может дать большего, чем имеет. Как говорится, я отняла у него лучшие годы — и вот благодарность! Возможно, Лермонтов просто не дождал до этого времени зрелости.

И вот по закону парадокса читаем у Юрия Кузнецова, снискавшего репутацию рокового женоненавистника:

Родимый, на ком ты женился?
— А чёрт его знает на ком!

Примеры-цитаты из Кузнецова продолжите сами, они есть. Тем не менее, по закону извечного русского парадокса, наверное только такой «женоненавистник» и мог написать столь потрясающие в мужском самоотречении строки, которыми описывается образ кровавой леди Макбет:

За то, что вам гореть в огне
На том и этом свете,
Поцеловать позвольте мне
Вам эти руки, леди.

Здесь перед нами даже не образ, а скорее образец мужского самоотречённого поклонения женщине как таковой — даже в столь сомнительном злодейском формате, как пресловутая леди Макбет, ставшая синонимом злодейства и коварства. В этих

Весной, когда меломаны — ценители поэзии начинают искать у авторов строки для художественного подкрепления поздравлений прекрасной половине человечества, невольно посетит крамольная мысль по поводу дефицита любовной лирики у выдающихся словотворцев...

строках удивительным образом растворена извечная вина мужчины перед той, что дала ему жизнь и, как умеет, самоотверженно, пусть даже такими «экстравагантными» жуткими методами, как леди Макбет, заботится о муже и его карьере. В гениально парадоксальных строках Кузнецова словно бы воплотилось запоздалое цивилизационное покаяние Адама, не взявшего ещё в раю на себя вину за проступок Евы, откусившей от плода познания.

Я в жизни только раз сказал «люблю»,
Словив гордыню тёмную свою...

— уронил как-то Юрий Кузнецов. Не знаю, как там в жизни, а в поэзии он словом «люблю» явно не злоупотреблял.

Ну, а что же женщины? Обычные женщины, конечно, вправду обидеться!

такие стихи про себя, какая же вы кобра, вы такая милая славная женщина?». За «милую-славную», конечно, спасибо, хочешь верить, что так оно и есть. Но это, скорее, женская солидарность сработала. И мне оставалось только пожимать плечами и неопределённо улыбаться, тем более, что читательницы, видимо, шокированные столь хлестким образом женщины-кобры, не замечали, что речь в стихотворении, собственно, если и идёт о жене, то исключительно о жене друга, так с чего бы мне переживать?

Ну а если серьёзно, без женской солидарности, а с солидарностью поэтической? Что имеет ответить на выпады поэтов-мужчин женщина-поэт, защищая свой пол и от лица своего пола?

Думаю, лучшим «ответом Чемберлену» можно считать стихотворение оренбургской поэтессы Натальи Кожевниковой.

Зашипела, словно кобра.
Ну, теперь не жди добра!
Как меха, раздула рёбра
Та, что вышла из ребра.
Шаркнув ножкой перед нею,
Преподнёс я ей цветы.
Но не любят эти змеи
И не ценят красоты!
И летит степной букетик
За окно на белый свет.
И не светит, и не светит
Мне здесь дружеский привет.
Улыбаясь ошалело,
Дверью хлопнув от души,
На прощанье прошипела:
«Захлебнитесь, алкаши!»
Я сто лет не видел друга,
А она, она, она —
Подколотная змеюга
И ещё — его жена.

И так далее... Я помню, как каждый раз после того, как автор этих строк Евгений Семичев читал своё стихотворение, ко мне подходили с недоумённым вопросом читательницы, знавшие про наше наше супружество: «Как вы позволяете мужу писать

Стихотворение не новое, с эпиграфом строки Юрия Кузнецова «Я в жизни только раз сказал "люблю"...». Значит, не меня одну обуревали подобные размышления! Наталья Кожевникова ответила и как поэт, и как женщина, причём, ответила не столько нашим гениям, скупым на слова любви, сколько медоточивым поэтам-говорунам и прочим любителям лирического «бла-бла»:

Он в жизни столько раз сказал «люблю»,
Он слово это вывесил среди поля.
Его трепали ветры, вёсны, воля!
Потом он встретил милую свою.
Рассёк, молниеносный, грудь её,
Где сердце обезумело тугое,
Ударил гром, и он забыл своё,
И солнце в небеса взошло другое.
Он ад найти осмелился в раю,
Он день прогнал обратно ночью пылкой!
И хочет он теперь сказать «люблю»,
А губы сводит жалкою ухмылкой...

К этому остаётся присовокупить разве что крылатое выражение Шекспира: «Я не хочу хвалить любовь мою — я никому её не продаю!».